

Б.В. Кузнецов, В.В. Голикова

Руководители обрабатывающих предприятий России о санкционных ограничениях и уязвимости к ним¹

УДК 338.1, 330.3

Аннотация. Влияние санкций на деятельность и поведение фирм, адаптирующихся к введенным ограничениям, неоднородно и зависит как от типа санкций, так и от характеристик самих фирм. В статье представлены оценки эффекта санкционного режима руководителями предприятий обрабатывающей промышленности, основанные на данных нескольких раундов мониторинга их конкурентоспособности, проведенных Институтом анализа предприятий и рынков НИУ ВШЭ в 2014, 2018 и 2022 гг. Результаты эконометрического анализа показали, что негативная оценка санкционного режима, введенного в 2022 г., зависит не только от степени и характера зависимости производства от импорта, но и от структуры рынков сбыта. Результаты исследования могут быть полезны при разработке мер экономической политики в отношении импортозамещения и стимулирования экспорта.

Ключевые слова: экономические санкции; обрабатывающая промышленность; предприятия; опрос руководителей предприятий; импортозамещение

Введение

Оценивая влияние санкций 2022 г. на деятельность фирм, следует отметить, что их масштаб несопоставим с ограничениями 2014 г., поскольку мишенью являлись уже не отдельные предприятия или секторы, а экономика России в целом – тотальный подрыв возможностей производства всех российских компаний, независимо от того, на каких рынках они работают. Тем не менее, поскольку все санкции затрагивали в первую очередь систему международных расчетов и трансграничной торговли, и в 2014 г., и 2022 г. в наибольшей степени оказались затронуты те предприятия, которые были связаны с зарубежными рынками через цепочки экспортных и/или импортных поставок.

¹ Работа выполнена в рамках программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

Российские предприятия обрабатывающей промышленности достаточно давно и сильно интегрированы в мировую экономику и активно взаимодействуют с зарубежными партнерами. Но если в части экспорта они более активны на рынках стран ближнего зарубежья, то в части поставок импортного сырья, материалов, деталей и комплектующих ключевые партнеры традиционно находятся в Европе. Тренд на встраивание в мировую экономику начал формироваться в российской обрабатывающей промышленности еще в период рыночных реформ 1990-х годов, но особенно активно процессы интеграции в международную торговлю, формирование сетевых отношений с зарубежными партнерами, привлечение иностранных инвестиций шли начиная со второй половины 2000-х гг. На эти тенденции практически не повлиял даже кризис 2008–2009 гг.

К моменту первого шокового испытания интеграционных процессов санкциями в 2014 г. значительная часть предприятий обрабатывающих отраслей, особенно средних и крупных, в большей или меньшей степени оказались вовлечены в экономическое взаимодействие с зарубежными партнерами. Введение санкций стало «холодным душем» для почти половины российских предприятий, хотя и имело скорее психологический эффект². Основное влияние санкционного режима на фирмы (кроме тех, кто сам вошел в санкционные списки) имело опосредованный характер – через макроэкономические шоки: девальвацию, ставки по кредитам, сокращение внутреннего спроса и т.п.

В силу «макроэкономического» характера этого шока негативные оценки санкций были в целом характерны для предприятий всех отраслей. Только два сектора обрабатывающих производств заметно отличались в своем отношении к санкциям от средних значений: минимум наблюдался в пищевой промышленности, там санкционные риски отметили менее 40% руководителей (по всей видимости, сказались позитивные ожидания от снижения конкуренции с импортными товарами после введения продуктового эмбарго), а наиболее высокая «тревожность» (85%) была характерна для транспортного машиностроения, что также объяснимо, если учитывать доминирование иностранных сборочных производств

²Наличие санкционных рисков непосредственно для своего предприятия в 2014 г. отмечали 48,6% руководителей, а в сегменте крупных предприятий – 60%.

и высокую зависимость отрасли от поставок комплектующих (Golikova & Kuznetsov, 2017).

Эмпирические исследования санкционных эффектов для российских предприятий

Эмпирические исследования эффекта санкций на уровне фирм немногочисленны (обзор литературы представлен [Simola, 2023]) и в основном концентрируются на изучении эффекта для предприятий, которые непосредственно находятся под санкциями, либо торгуются на бирже, в то время как оценка эффектов на уровне остальных фирм остается в значительной степени неисследованной областью (редкие исключения – [Huynh et al., 2022; Найденова, Шалаева, 2022]).

Исследования свидетельствуют о том, что санкции 2014 г. оказали негативный эффект в первую очередь на подсанкционные предприятия [Ann and Ludema, 2020]. Однако на более длинном горизонте меры господдержки существенно увеличили их капиталобеспеченность по сравнению со среднеотраслевыми значениями и помогли компенсировать негативный шок. Тем не менее подобное перераспределение ресурсов не прошло бесследно: по оценкам, оно обусловило снижение совокупной факторной производительности до 3% в соответствующих отраслях [Nigmatulina, 2022]. Неожиданные эффекты меньшего ущерба для подсанкционных предприятий по сравнению с остальными исследователи объясняют тем, что недоступное им заемное финансирование из-за рубежа было сполна компенсировано отечественным финансовым рынком, на котором они трактовались как первоклассные заемщики [Keerati, 2023].

Что касается предприятий, не находящихся под прямыми санкциями, представляет интерес работа [Huynh et al., 2022], в которой на выборке 788 фирм из базы данных Блумберг было показано, что санкции 2014 г. не затронули энергетические компании, однако для других предприятий увеличение санкционного давления негативно повлияло на прибыльность активов и инвестиции (в том числе – в R&D), что может в дальнейшем ограничивать возможности их роста. Так, было показано, что увеличение количества санкций на единицу снижает капитальные затраты в среднем на 2.6 п.п. и инвестиции в R&D на 1.1 п.п.

Е.В. Шалаева и Ю.Н. Найденова обнаружили, что неопределенность экономической политики в условиях санкций стимулирует компании к увеличению запаса денежных средств и к снижению уровня инвестирования в свое развитие. Этот эффект более выражен для фирм под санкциями и компаний без государственного участия. С точки зрения гетерогенности реакции крупные компании менее чувствительны к неопределенности экономической политики по сравнению с предприятиями среднего размера [Найденова, Шалаева, 2023].

В целом, исследования, которые охватывают временные рамки 2014–2020 гг., показывают, что первоначальный негативный эффект со временем снижается, поскольку стратегические фирмы получают поддержку со стороны государства и используют различные стратегии адаптации, позволяющие снизить негативный эффект санкций [Ahn & Ludema, 2020; Gaur et al., 2023; Nigmatullina, 2022; Meyer et al., 2023].

Следует отметить, что эффект санкций для предприятий, не входящих в санкционные списки, остается во многом не изученным. В отсутствие доступной информации о результатах деятельности фирм в 2022 г. особый интерес представляют данные масштабных опросов, позволяющие получить оценки эффектов санкций руководителями предприятий различных отраслей экономики.

Информационная база исследования

Эмпирической базой нашего исследования выступают результаты регулярных опросов предприятий обрабатывающей промышленности, проводимых в Институте анализа предприятий и рынков НИУ ВШЭ. В основном мы использовали данные последнего раунда, проведенного в августе–ноябре 2022 г., в рамках которого было опрошено 1860 руководителей фирм обрабатывающих отраслей в разрезе 20 кодов ОКВЭД с численностью занятых более 10 человек в девяти федеральных округах, 71 субъекте Российской Федерации. Опрос проводился по случайной структурированной выборке, и для учета смещений последней относительно генеральной совокупности предприятий анализ проводился на взвешенных данных. В качестве респондентов были привлечены топ-менеджеры компаний, 75% из них занимали должность генерального директора. Для сравнительного

описательного анализа там, где сопоставимость возможна, использовались также данные опросов 2014 и 2018 гг.³

Санкционный режим 2018 и 2022 гг. глазами респондентов

Рассмотрим восприятие эффекта санкций в двух последних раундах мониторинга конкурентоспособности российских промышленных предприятий – 2018 г., когда респонденты оценивали эффект первой волны санкционных ограничений, введенных в 2014 г., и 2022 г., когда масштаб санкций в течение года непрерывно расширялся и затрагивал прямо или косвенно практически все аспекты производственной деятельности предприятий. Отметим, что в 2018 г., спустя несколько лет после первых санкционных пакетов, более 40% руководителей предприятий оценивали их влияние на деятельность своих фирм как негативное. При этом оценки последствий санкций хотя и различаются для предприятий разных отраслей и размеров, но не радикально: т.е. так или иначе оказались затронуты предприятия всех категорий (таблица 1).

Таблица 1. Оценка влияния санкций на фирмы в разрезе размерных групп в 2018 г. и 2022 г. (взвешенные данные), %

Восприятие санкций	2018				2022			
	Всего	Малые	Средние	Крупные	Всего	Малые	Средние	Крупные
Негативное	40,2	40,6	32,1	41,6	53,5	53,3	54,3	55,5
Нейтральное	49,3	49,5	54,1	41,0	38,8	38,2	41,9	42,1
Позитивное	10,5	9,9	13,8	17,4	7,6	8,5	3,8	2,5
Баланс оценок*	- 29,7	-30,7	-18,3	-24,2	-45,9	-44,8	-50,5	-53,0

*Баланс оценок рассчитывается как разность между оценками «позитивное» и «негативное» восприятие санкций, п.п.

Более жесткий характер санкций 2022 г. по сравнению с предшествующей волной хорошо заметен по ухудшению баланса оценок, особенно для группы крупных и средних предприятий. В целом, доля предприятий, негативно оценивающих санкции в 2022 г., составляет 53,5%. По сравнению с 2018 г.

³ Базы данных опросов 2014 г. и 2018 г. доступны на сайте Института анализа предприятий и рынков. URL: <https://iims.hse.ru/data>

она значительно возросла во всех отраслях промышленности⁴. По большинству отраслей обрабатывающей промышленности негативные последствия для своего бизнеса отмечают более половины респондентов. При этом более четверти фирм (28%) оценивают влияние как «однозначно негативное» и примерно четверть как «неоднозначное, но скорее негативное. Вместе с тем есть и достаточно большая группа предприятий (около 40%), которых санкции оставили равнодушными.

Субъективные оценки руководителей на качественном уровне отражают, как минимум, «знак» влияния санкций на деятельность фирм. Поэтому вопрос о том, какими характеристиками обладают предприятия, ощущающие себя в большей степени в зоне риска, заслуживает, на наш взгляд, более детального и пристального изучения.

Глобализация и отношение к санкционным ограничениям

«Умные» санкции очевидным образом нацелены на те сферы, где уязвимость агентов наиболее высока и возможности быстрой адаптации ограничены. Санкции 2022 г. затронули широкий круг предприятий, но, поскольку значительная их часть касалась ограничений на торговлю (запрет импорта и ограничения экспорта) и на деятельность российской банковской системы в части трансграничных платежей, можно с уверенностью предположить, что в числе наиболее пострадавших будут компании, вовлеченные в международную торговлю. По нашему мнению, несмотря на то, что степень ущерба от ограничений международной торговли может зависеть от объемов экспорта и импорта, важнее само наличие таких потоков.

Особое значение для российских предприятий имеет зависимость от импорта сырья, материалов и комплектующих. Отметим, что, по нашим данным, эта зависимость не просто довольно

⁴ Наши оценки близки к оценкам двух других опросов 2022г.

РСПП. 2022. Результаты опроса «Последствия введения санкций для российского бизнеса» [Эл. ресурс]. Available at: <https://rspp.ru/activity/analytics/rezultaty-jprosa-poslrdstviya-sanktsiy-dlya-rossiyskogo-biznesa/> (дата обращения: 16.03.2023).

ТПП РФ. 2022. Итоги шестого этапа опроса в рамках специального проекта «Бизнес-барометр страны» [Эл. ресурс]. Available at: https://ngtpp.ru/wp-content/uploads/2022/09/Prilozhenie_Prezentatsiya-BBS-6_ITOGI-1301694-v1.pdf (дата обращения: 16.03.2023).

высока, важно, что она мало изменялась в последние годы, несмотря на санкционные шоки в 2014 г. и последующие годы.

По данным опроса 2022 г., доля предприятий, имеющих контракты на поставку промежуточных товаров из-за рубежа, составляла в 2013 г. примерно 14% и оставалась практически неизменной и в 2017 г., и в 2021 г. Отметим, что эти цифры отражают лишь прямые поставки, тогда как использование импортных промежуточных товаров, закупаемых через российские торговые фирмы, в несколько раз выше. По нашим оценкам, более половины российских фирм в обрабатывающих отраслях в период 2019–2022 гг. в тех или иных объемах использовали импортные сырье, материалы, детали и компоненты, не менее трети компаний приобретали импортное оборудование.

Об устойчивости интеграции в трансграничную торговлю свидетельствует тот факт, что даже в 2022 г., когда были введены беспрецедентно жесткие санкции, затронувшие подавляющую часть предприятий, падение доли импортеров было хотя и заметным, но не радикальным: на 3,5 п.п. по промежуточной продукции и на 4,5 п.п. по оборудованию.

Несмотря на то, что санкционные риски 2014 г. [Golikova & Kuznetsov, 2017] должны были бы послужить сигналом для руководства и собственников глобализированных предприятий к изменению стратегий международного взаимодействия, мониторинг, проведенный в 2018 г., показал, что существенных сдвигов не произошло ни в зависимости от импортных поставок, ни в их географии. Единственной «жертвой» начавшейся санкционной войны стали экономические связи с Украиной, предприятия которой выступали до этого в качестве одной из наиболее значимых категорий контрагентов для промышленников России. Впрочем, и к этим выводам надо относиться с осторожностью, поскольку в тот период активно развивался своего рода параллельный импорт и экспорт через Белоруссию.

Безусловно, имели место и разрывы цепочек поставок между странами ЕС и Россией, и отказы от партнерских соглашений, но в целом следует признать, что модель функционирования российской обрабатывающей промышленности, ориентированной на максимальное использование выгод от международного разделения труда, включая поставки как промежуточных товаров, так и промышленного оборудования, не претерпела значимых

изменений, и после прохождения острой фазы кризиса в 2015 г. ситуация и с экспортом, и с зависимостью от импорта вернулась к докризисной.

Анализ результатов обследования показал, что в подавляющем большинстве случаев поставки промежуточной продукции не являются ситуативными (сегодня покупаем импортные материалы, а завтра отечественные), а представляют собой неотъемлемый компонент производственных процессов, т.е. импорт носит устойчивый характер. Так, каждый год на протяжении четырех лет (с 2019 г. по 2022 г.) сырье и материалы импортировали 32,5% предприятий, детали и компоненты – 28,5%, а технологическое оборудование – 32,0%. Для дальнейшего анализа среди опрошенных фирм нами были выделены следующие четыре группы в зависимости от их ориентации на использование импорта в производственных процессах:

группа 1: предприятия, которые в течение 2019–2022 гг. ни разу не импортировали ни промежуточные товары, ни оборудование, другими словами – независимые от импорта;

группа 2: предприятия, не зависящие от импорта промежуточных товаров (не импортировавшие в последние четыре года сырье, материалы и комплектующие), но закуповавшие импортное оборудование;

группа 3: предприятия, постоянно закуповавшие зарубежные промежуточные товары, но не импортировавшие оборудование;

группа 4: предприятия, максимально зависимые от импорта – постоянно закуповавшие за рубежом как промежуточные товары, так и оборудование.

Распределение предприятий по выделенным группам приведено на рисунке 1. Результаты нашего обследования 2022 г. показывают, что от импорта в той или иной степени зависят 62,9% предприятий обрабатывающей промышленности.

Наибольшую озабоченность санкциями в 2022 г. проявляли предприятия 4-й группы, зависящие от импорта сырья, материалов и комплектующих, работающие как на отечественном, так и импортном оборудовании, поскольку прекращение импортных поставок в случае отсутствия запасов и невозможности быстро найти новых поставщиков была чревата остановкой производственных процессов.

Рис. 1. Распределение предприятий обрабатывающей промышленности по группам в зависимости от импорта промежуточных товаров и оборудования в среднем за 2019–2022 гг. (взвешенные данные), %

Среди предприятий 1-й группы, не закупавших ни промежуточных импортных товаров, ни оборудования, примерно 59% оценили влияние санкций на свою деятельность как нейтральное и 38% – как негативное (остальные отметили положительное влияние), среди тех, кто не использовал импортное сырье, материалы и комплектующие, но импортировал оборудование (2-я группа), доля негативных оценок выше – 43%, для импортеров промежуточных товаров (3-я группа) она составляет уже 63%, а для импортеров обеих категорий (4-я группа, сырье и оборудование) – почти 70%.

Влияние санкций и реакция предприятий на них определяются не только зависимостью от импортных поставок, но и теми рынками, на которых фирма работает. Все предприятия обрабатывающей промышленности России по этому критерию мы разбили на следующие группы:

(а) «локальные компании» – рынок сбыта которых ограничен собственным регионом или несколькими соседними регионами (составляют 31,0% в нашей выборке);

(б) «национальные компании», сбывающие продукцию исключительно на отечественном рынке (42%), но с более широкой географией деятельности, чем локальные предприятия.

(в) «компании ЕАЭС», экспортирующие часть продукции в рамках стран Евразийского экономического союза как некоего аналога Европейского союза с отсутствием торговых барьеров и относительно унифицированного регулирования (20,3%);

(г) «глобальные компании» – торгующие за пределами ЕАЭС; их доля в российской обрабатывающей промышленности традиционно невелика (6,7%)⁵.

Восприятие эффекта санкций в зависимости от широты рынков сбыта представлено в таблице 2.

Таблица 2. Восприятие эффекта санкций в 2022 г. в зависимости от широты рынков сбыта (взвешенные данные), %

Оценка	Рынок своего или соседних регионов	Общероссийский рынок	Рынок ЕАЭС	Глобальный (за пределами ЕАЭС)	По выборке в целом
Негативная	55,6	50,3	53,1	61,3	52,3
Нейтральная	41,6	43,6	32,5	25,0	39,5
Позитивная	2,8	6,2	14,4	13,7	7,3
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
Баланс оценок*	- 52,8	- 44,1	- 38,7	- 47,6	- 45,0

*Баланс оценок рассчитывается как разность между оценками «позитивное» и «негативное» восприятие санкций, п.п.

Источник. Данные обследования 2022 г.

Компании, работающие на глобальных рынках, демонстрируют более высокий уровень «тревожности» по поводу санкций. Но одновременно с этим предприятия-экспортеры (как в ЕАЭС, так и на мировые рынки) чаще видят для себя в санкциях какие-то новые возможности и оценивают их позитивно. В результате наиболее пострадавшими по балансу негативных и позитивных

⁵ Предприятия групп (в) и (г) – работают не только на экспортных, но и на российском рынках. Но само присутствие на зарубежных рынках, независимо от его масштаба, может существенно влиять на оценку санкций.

Отметим, что небольшое число и скромная доля предприятий экспортеров в российской обрабатывающей промышленности не должны вводить в заблуждение относительно их роли. Так, на глобальных предприятиях занято примерно 20% всех работников обрабатывающих отраслей, а на предприятиях, работающих на рынках ЕАЭС, – более 25%.

оценок выступают локальные фирмы, чьи возможности к адаптации и использованию возникающих «окон возможностей» сильно ограничены. А относительно более устойчивым выглядит сегмент экспортеров в ЕАЭС (притом, что общий баланс оценок для них все равно отрицательный).

Выявление причин относительного оптимизма этой группы компаний требует более глубокого исследования. На данном этапе можно предположить, что, во-первых, их в меньшей степени затронули ограничения расчетов и прохождения платежей, во-вторых, их рынки (российский и стран ЕАЭС) пока не затронули торговые ограничения и нарушения логистических цепочек, а, в-третьих, есть вероятность, что наличие устойчивых связей и партнерских отношений с покупателями в странах ЕАЭС может облегчить им проблему обеспечения импортными сырьем, материалами и т.д. через схемы параллельного импорта.

Большой оптимизм в отношении последствий от санкций у предприятий-экспортеров находит подтверждение и в заметно более оптимистичных ожиданиях этой категории фирм относительно динамики выручки и численности занятых: именно компании, работающие на рынках ЕАЭС (но не на глобальных рынках), дают самые высокие оценки ожиданий на конец 2022 г.

Анализ результатов опроса свидетельствует о том, что использование импорта связано в том числе с возможностями фирмы работать на более широких рынках сбыта (рис. 2).

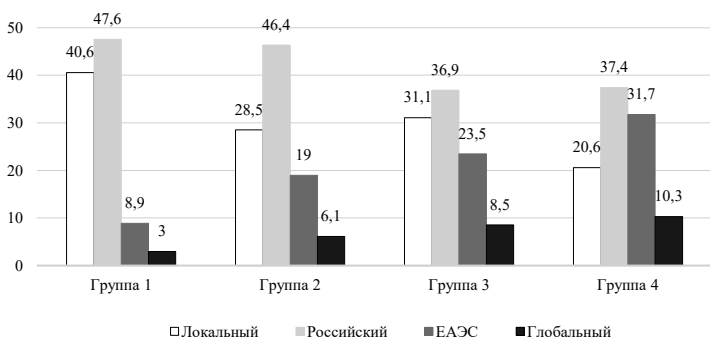

Рис. 2. Доля предприятий, работающих на различных по широте охвата рынках и группам по зависимости от импорта промежуточных товаров и оборудования в 2019–2022 гг. (взвешенные данные), %

Предприятия, не использующие ни импортные сырье, материалы, комплектующие, ни импортное оборудование (группа 1) преимущественно работали на внутренний российский рынок (региональный или общероссийский). Менее 10% фирм в этой группе продавали продукцию в страны ЕАЭС, и только 3% торговали на глобальных рынках. Тогда как в группе «импортозависимых» (группа 4) эти доли были в три с лишним раза выше.

Безусловно, механизм связи импорта и экспорта надо анализировать детальнее, но представляется обоснованным предположение, что производство продукции на внешние рынки предъявляет иные – более высокие – требования. Другими словами, не импортируя оборудование и/или сырье и материалы, конкурировать на внешних рынках сложно. Из этого следует не слишком утешительный вывод, что форсированный переход на отечественные аналоги (в той мере, в которой это возможно), может привести к снижению международной конкурентоспособности российских промышленных предприятий даже на рынках стран Ближнего зарубежья.

Эконометрический анализ факторов, взаимосвязанных с уязвимостью фирмы к санкционным ограничениям

В основу анализа положена очевидная гипотеза о том, что субъективная оценка эффекта санкций взаимосвязана с уровнем глобализации деятельности компании, т.е. ее зависимостью от импортных поставок и географии сбыта. Ряд отечественных и зарубежных исследований показывают, что использование импорта повышает конкурентоспособность фирм, а, следовательно, по М. Мелицу [Melitz, 2003], расширяет возможности выхода на более широкие, в том числе зарубежные рынки⁶. Таким образом, можно предположить, что ущерб от санкционных ограничений будет наибольшим для фирм, работающих на более широких рынках.

Спецификация эконометрической модели использует в качестве зависимой переменной негативное восприятие санкций (т.е. принимает значение 1, если влияние на деятельность фирмы

⁶ См., например [Волчкова, Турдыева, 2016; Федюнина, Аверьянова, 2018; Bas & Strauss-Kahn, 2014; Ling et al., 2016; Castellani & Fassio, 2019.]

оценивается отрицательно). Модель включает контроль на отраслевую принадлежность компании, должность респондента и дату проведения интервью⁷. При оценке используются весовые коэффициенты для приведения выборочных данных к структуре генеральной совокупности. Ошибки регрессии кластеризованы по федеральным округам.

Модель имеет вид:

$$Pr = \alpha 1 + \alpha 2 + \alpha 3 + \alpha 4 + \varepsilon, \text{ где}$$

Pr – восприятие санкций; $\alpha 1$ – структура рынков сбыта; $\alpha 2$ – группировка зависимости от импорта; $\alpha 3$ – размер фирмы; $\alpha 4$ – контрольные переменные; ε – случайная ошибка.

Результаты оценки пробит-модели приведены в таблице 3.

Таблица 3. Оценка факторов, взаимосвязанных с вероятностью негативной оценки санкций

Показатель	Coef.	Std. Err.	P>z
Локальные компании	базовая категория		
Общероссийский рынок	-0,17**	0,07	0,013
Рынок ЕАЭС	-0,25**	0,106	0,021
Глобальный рынок	-0,01	0,16	0,951
Нет зависимости от импорта	базовая категория		
Есть зависимость от импорта оборудования	0,06	0,178	0,742
Есть зависимость от импорта сырья, материалов, комплектующих	0,44***	0,132	0,001
Есть зависимость от импорта сырья, материалов, комплектующих и оборудования	0,59***	0,153	0
Число дней с начала опроса	-0,005***	0,0015	0,002
Должность респондента	Контролируется		
Отраслевая принадлежность	Контролируется		
Численность работников (логарифм)	-0,03567	0,034	0,293
Константа	0,30**	0,119	0,013
Число наблюдений	1843		

Примечание. *** – Значимость коэффициента на уровне 1%, ** – на уровне 5%, * – на уровне 10%.

⁷ Как показал анализ восприятия последствий санкций в нашем опросе 2014 г. (проводился в тот период, когда вводились все новые и новые санкционные пакеты, дата проведения интервью значимо влияла на субъективные оценки негативного эффекта). Включения должности респондента также оправданы опытом предыдущих исследований, когда субъективные оценки директора или владельца компании могли заметно отличаться от оценок заместителей.

По сравнению с группой предприятий, работающих на локальных рынках, значимо реже негативно оценивают санкции компании, работающие на общероссийском рынке и на рынках ЕАЭС. При этом уровень тревожности из-за санкций у компаний-экспортеров на глобальные рынки не отличается от локальных компаний. Субъективная оценка санкций сильно связана с зависимостью предприятий от импортных поставок сырья, материалов, комплектующих, в то время как зависимость от импортного оборудования сама по себе не влияет на «степень негатива». Скорее всего, это следствие того, что закупки оборудования еще не стали серьезной проблемой для предприятий. Но группа фирм, зависящих от импорта как промежуточных товаров, так и оборудования, заметно чаще оценивает санкции как серьезные риски для бизнеса.

Вопреки первоначальным ожиданиям, время проведения интервью снижает вероятность негативной оценки, т.е. чем позже проводился опрос, тем относительно реже респондент оценивал эффекты санкций как негативные. Напомним, что в период исследования (с августа по ноябрь 2022 г.) был принят 8-й пакет антироссийских санкций (5 октября 2022 г.), включавший, в частности, такие существенные для обрабатывающих предприятий меры, как ограничения на экспорт ряда товаров и на импорт товаров в Россию, запрет на инженерные и юридические услуги. Значительная часть этих ограничений напрямую касалась российских предприятий обрабатывающих отраслей.

Снижение степени тревоги относительно санкций могло быть связано с тем, что первоначальный шок от действительно серьезных санкционных пакетов уже прошел. Но, возможно, что часть фирм к моменту опроса уже освоили те или иные меры компенсации санкционных ограничений, нашли новые возможности для своих предприятий и т.п. Это предположение нуждается в дополнительной проверке. Мы также попытались оценить воздействие на восприятие санкций частичной мобилизации 22 сентября 2022 г., но не нашли подтверждения ее влияния на оценки респондентов.

Оценки эффекта санкций значимо различаются в зависимости от должности респондента (при этом все отмеченные взаимосвязи оценок с широтой рынков и использованием импорта сохраняются). В целом, первые лица (генеральные и ис-

полнительные директора) более пессимистичны относительно влияния санкций на бизнес. Скорее всего, это можно объяснить тем обстоятельством, что очень многие из них одновременно являются и владельцами/совладельцами своих фирм и, соответственно, воспринимают санкции как риски не только для своей занятости и зарплаты, но и для собственности.

Стоит отметить тот факт, что мы не наблюдаем существенных различий в реакции на санкции ни у предприятий различного размера, ни в разрезе большинства укрупненных отраслей. Единственное исключение – транспортное машиностроение, тесно интегрированное в систему транснациональных компаний, где предприятия демонстрируют большую степень озабоченности негативными последствиями санкций.

Заключение

В заключение отметим, что ориентация на использование импорта – естественная и эффективная стратегия для значительной части российских предприятий обрабатывающей промышленности. Бороться надо не с этой моделью, а с уязвимостью ее от политических (внеэкономических) ограничений. Стимулирование переключения предприятий на использование исключительно или преимущественно отечественных сырья, материалов, комплектующих и, особенно, оборудования ведет лишь к росту издержек и снижению качества. По крайней мере, до создания соответствующих условий, развития собственного конкурентоспособного производства аналогов.

Ограничения на импорт (прямой запрет, разрушение логистических цепочек и т.п.) со стороны одного из двух ключевых торговых партнеров (в первую очередь – из числа стран Европы) неизбежно ведут к росту цен на широкую номенклатуру промежуточных товаров. Однако не стоит применять инструменты, ограничивающие рост цен. Именно растущие цены являются самым действенным стимулом для промышленных предприятий по созданию внутреннего производства аналогов, а для торговых посредников – к поискам альтернатив на внешнем рынке.

Процесс создания собственного производства аналогов для замены импорта в большинстве случаев длительный и постепенный. В настоящее время, когда вся система поставок находится в состоянии турбулентности, ни фирмам,

ни государству не стоит принимать инвестиционные решения относительно того, какую импортозамещающую продукцию производить. На горизонте года-двух целесообразнее сосредоточиться на усилиях по «замещению импорта импортом», т.е. помогать (не мешать) выстраивать цепочки импортных поставок из «дружественных» стран, включая схемы параллельного импорта. Возможно, стоит внимательнее изучить механизмы обхода товарных и технологических ограничений других стран и исторический опыт СССР.

Стоит помнить об обучающем эффекте экспорта и стимулировать выход предприятий на внешние рынки. Многочисленные исследования свидетельствуют о том, что предприятия, которые смогли достичь необходимого уровня производительности труда и закрепиться на экспортных рынках, доказав свою конкурентоспособность, значительно легче и быстрее находят возможности для новых каналов экспорта. В условиях усиления санкционного давления именно скорость «переключения» на новых поставщиков (когда это необходимо) и выход на новые рынки сбыта могут оказаться важнейшими факторами успешной адаптации предприятий к изменениям внешней среды.

В краткосрочной перспективе одной из наиболее острых проблем будут возникающие логистические ограничения в связи с переформатированием цепочек. Поэтому неотложная задача – выстроить систему оперативного мониторинга «узких мест» и разработать комплекс мер (возможно, временных) по снижению барьеров на пути поставок и, прежде всего, товаров производственного назначения (потребительский рынок готовой продукции – самая выгодная, но не самая критичная для экономики сфера).

Литература/References

Волчкова Н.А., Турдыева Н.А. Микроэкономика российского импортозамещения // Журнал Новой экономической ассоциации. 2016. № 4 (32). С. 140–146. URL: <https://www.econorus.org/repec/journal/2016-32-140-146r.pdf?ysclid=ljl18ogx2n526986710> (дата обращения: 16.03.2023).

Volchkova, N. & Turdyeva, N. (2016). Microeconomics of Russian Import Substitution. *Journal of the New Economic Association, New Economic Association*. Vol. 32 (4). Pp. 140–146.

Зубаревич Н.В. (2001). Поляризация городов России как следствие кризиса 90-х годов // Вестник Евразии. 2001. № 1 (12). С. 5–29. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/polyarizatsiya-gorodov-rossii-kak-sledstvie-krizisa-90-h-godov/viewer> (дата обращения: 16.03.2023).

Zubarevich, N.V. (2001). Polarization of the cities of Russia as a result of the crisis of the 90s. *Bulletin of Eurasia*. No. 1 (12). Pp. 5–29. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/polyarizatsiya-gorodov-rossi-kak-sledstvie-krizisa-900h-godov/Viewer> (accessed: 16.03.2023).

Найдёнова Ю.Н., Шалаева Е.В. Неопределенность экономической политики в условиях санкционных ограничений: влияние на запас денежных средств российских компаний // Российский журнал менеджмента. 2022. № 20 (4). С. 482–497 [Эл. ресурс]. <https://dspace.spbu.ru/bitstream/11701/41645/1/02.pdf?ysclid=lj11a3jgtn30288505> (дата обращения: 16.03.2023).

Naidenova, Yu.N., Shalaeva, E.V. (2022). Economic policy uncertainty under the conditions of sanctions: Impact on the Russian companies' cash holdings. *Russian Management Journal*, 20 (4), Pp. 482–497. <https://doi.org/10.21638/spbu18.2022.402>

Федюнина А.А., & Аверьянова Ю.В. Эмпирический анализ факторов конкурентоспособности российских экспортеров // Экономическая политика. 2018. 13 (6). С. 102–121 [Эл. ресурс]. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/empiricheskij-analiz-faktorov-konkurentosposobnosti-rossiyskih-eksporterov/viewer> (дата обращения: 16.03.2023).

Fedyunina, A.A., Averyanova, Yu.V. (2018). Empirical Analysis of Competitiveness Factors of Russian Exporters in Manufacturing Industries. *Economic Policy*, Vol. 13(6). Pp. 102–121. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/empiricheskij-analiz-faktorov-konkurentosposobnosti-rossiyskih-eksporterov/viewer> (accessed 16.03.2023)

Ahn, D. & Ludema, R. (2020). The sword and the shield: The economics of targeted sanctions. *European Economic Review*. Vol. 130(C) Available at: https://www.econstor.eu/bitstream/10419/198980/1/cesifo1_wp7620.pdf (accessed 16.03.2023).

Bas, M., Strauss-Kahn, V. (2014). Does importing more inputs raise exports? Firm-level evidence from France. *Revue of World Economics*. Vol. 150. Pp. 241–275. Available at: https://www.researchgate.net/publication/48375886_Does_Importing_more_Inputs_Raise_Exports_Firm_Level_Evidence_from_France (accessed 16.03.2023).

Castellani, D. and Fassio, C. (2019). From new imported inputs to new exported products. Firm-level evidence from Sweden. *Research Policy*. Vol. 48. Issue 1. Pp. 322–338. Available at: https://www.researchgate.net/publication/327598978_From_new_imported_inputs_to_new_exported_products_Firm-level_evidence_from_Sweden (accessed 16.03.2023).

Huynh, T.L.D., Hoang, K. and Ongena, S. (2022). The impact of foreign sanctions on firm performance in Russia. *CEPR Discussion Paper 17415*. Available at: https://www.researchgate.net/publication/363172240_The_impact_of_foreign_sanctions_on_firm_performance_in_Russia (accessed 16.03.2023).

Gaur, A.S., Settles, A., & Vaatanen, J. (2023). Do Economic Sanctions Work? Evidence from Russia-Ukraine conflict. *Journal of Management Studies*, doi:10.1111/joms.12933. Available at: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=4433798 (accessed 16.03.2023).

Golikova, V. and Kuznetsov, B. (2017). Perception of risks associated with economic sanctions. *Post-Soviet Affairs*. Vol. 33, Issue 1. Pp. 49–62. Available at: <https://economics.hse.ru/data/2017/05/19/1172226903/Perception%20of%20risks%20>

associated%20with%20econ..e%20case%20of%20Russian%20manufacturing.pdf?ysclid=ljl1joskyu243166301 (accessed 16.03.2023).

Keerati, Ritt (2022). The unintended consequences of financial sanctions. Available at SSRN: <https://ssrn.com/abstract=4049281> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.4049281> (accessed 16.03.2023).

Ling, F., Li, Z., Swenson, D. (2016). The connection between imported intermediate inputs and exports: Evidence from Chinese firms. *Journal of International Economics*. Vol. 101. Pp. 86–101. Available at: <https://www.econstor.eu/bitstream/10419/75421/1/749387009.pdf> (accessed 16.03.2023).

Melitz, M. (2003). The Impact of Trade on Intra-Industry Reallocations and aggregate industry productivity. *Econometrica*. Vol. 71, No. 6. Pp. 1695–1725 Available at: <https://web.stanford.edu/~klenow/Melitz.pdf> (accessed 16.03.2023)

Meyer, K., Fang, T., Panibratov, A., Peng, M. Gaur, A. (2023). International business under sanctions. *Journal of World Business*, No. 58 (2). Available at: https://www.researchgate.net/publication/367414682_International_business_under_sanctions (accessed 16.03.2023).

Nigmatulina, D. (2022). Sanctions and misallocation. How sanctioned firms won and Russia lost. *CEPR (Centre for Economic Performance) Discussion Paper N1886*. November, 66 p. Available at: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3825246 (accessed 16.03.2023).

Simola, H. (2023). What the literature says about the effects of sanctions on Russia? *BOFIT Policy Brief*. No. 8. 18 p. Available at: <https://publications.bof.fi/bitstream/handle/10024/52716/bpb0823.pdf?sequence=1&isAllowed=y> (accessed 16.03.2023).

Статья поступила 24.07.2023

Статья принята к публикации 30.07.2023

Для цитирования: Кузнецов Б.В., Голикова В.В. Руководители обрабатывающих предприятий России о санкционных ограничениях и уязвимости к ним // ЭКО. 2023. № 9. С. 33–51. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2023-9-33-51

Информация об авторах

Кузнецов Борис Викторович (Москва) – кандидат экономических наук, профессор Департамента прикладной экономики, Институт анализа предприятий и рынков; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».

E-mail bkuz@bk.ru; ORCID: 0000–0003–3250–875X

Голикова Виктория Владимировна (Москва) – кандидат экономических наук, Институт анализа предприятий и рынков; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».

E-mail: victoria@hse.ru; ORCID: 0000–0002–5034–9345

For citation: Kuznetsov, B.V., Golikova, V.V. (2023). Russian Manufacturing Executives on Sanctions Restrictions and Vulnerability to Them. *ECO*. No. 9. Pp. 33–51. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2023-9-33-51

Summary

B.V. Kuznetsov, V.V. Golikova

Russian Manufacturing Executives on Sanctions Restrictions and Vulnerability to Them

Abstract. The impact of sanctions on the activities and behavior of firms adapting to the imposed restrictions is heterogeneous and depends on both the type of sanctions and the characteristics of the firms themselves. The paper gives estimates of the effect of the sanctions regime by managers of manufacturing firms based on data from several rounds of monitoring of their competitiveness conducted by the Institute for Analysis of Enterprises and Markets of the National Research University Higher School of Economics in 2014, 2018 and 2022. The results of the econometric analysis showed that the negative assessment of the sanctions regime introduced in 2022 depends not only on the degree and nature of production dependence on imports, but also on the structure of sales markets. The results of the study can be useful in the development of economic policy measures with regard to import substitution and export promotion.

Keywords: *economic sanctions; manufacturing industry; enterprises; survey of enterprise managers; import substitution*

Information about the authors

Kuznetsov, Boris Viktorovich (Moscow) – Candidate of Economic Sciences.

Professor of the Department of Applied Economics, Institute for Analysis of Enterprises and Markets; National Research University Higher School of Economics.

E-mail: bkuz@bk.ru; ORCID: 0000-0003-3250-875X

Golikova, Victoria Vladimirovna (Moscow) – Candidate of Economic Sciences.

Institute for Analysis of Enterprises and Markets; National Research University Higher School of Economics.

E-mail: victoria@hse.ru; ORCID: 0000-0002-5034-9345